

Усыскин Г. С.
(Санкт-Петербург, Россия)

ИСПОВЕДЬ «ЕРЕТИКА ОТ МАРКСИЗМА».

А. А. БОГДАНОВ О Г. В. ПЛЕХАНОВЕ

(К выходу книги «Десятилетие отлучения от марксизма»).

Александр Александрович Богданов (Малиновский, 1873—1928) на рубеже 19—20 вв. относится к числу ведущих философов и ученых, являясь одновременно заметной фигурой в русском революционном движении, благодаря деятельности во фракции большевиков РСДРП.

Тем менее, и на этом имени на протяжении десятилетий лежала печать забвения. Лишь с середины 1980-х ситуация изменилась. Стали переиздаваться его главные работы, однако многие материалы лежали в архиве невостребованными.

В 1995 в Москве вышли три сборника под общим названием «Неизвестный Богданов». Третий — «Десятилетие отлучения от марксизма» — охватывает период с 1904 по 1914. Издать его легально предполагалось уже в 1914, но этого не случилось: начавшаяся первая мировая война и призыв Богданова в армию нарушили его планы. Октябрь 1917 сделал публикацию неосуществимой. После смерти А.А. Богданова книга попала сначала в НКВД СССР, затем, в июле 1938 года, поступила в Центральный партийный архив. Преемник ЦПА — РЦХИДНИ — нашел возможность опубликовать ее теперь.

«Десятилетие отлучения от марксизма» — книга особого жанра. Это не биография автора, не внешние факты его жизни. Богданов раскрывает **свое** понимание философской и политической борьбы в российской социал-демократии. В трактовке философских проблем мироздания и общественной жизни он стремится опереться на выдающиеся естественно-научные открытия 19 / 20 вв. Здесь Богданов пытается подвести итоги целого периода своей жизни. В одном из писем от 2.05.1914 к членам женеvского идейного кружка «Вперед» он сообщает, что пишет ответ «за всех и за вся», т. е. «по всей линии, в виде большого памфлета ... это будет подведение итогов в популярной и полемической, но не обычной форме» (1).

Перед нами действительно памфлет. По своему строению книга напоминает разбор дела еретика, который производится им самим. Об этом же говорят и названия глав: «Преступления отлученного», «Поток отлученный», «Соотлученные», «Отлучатели», «В общем и целом». Богданов вовсе не оправдывается, ибо нельзя доказать правоту еретика, который потому и

отлучен, что отстаивает свое право на собственное видение мира, на развитие идей, на создание новой науки, не освященной высокими авторитетами прошлого. Полемизируя со своими отлучателями, автор не только старается опровергнуть их аргументы в старом споре, но и выступает против самого способа ведения ими полемики, против их способа мышления.

Анализируя свои «отлучения от марксизма», Богданов хотел содействовать выяснению позиций, и сам выбор слова «отлучение» уже показывал итог, который необходимо было вывести, по мнению Богданова, из его сопоставления с «ортодоксальным марксизмом»: «Нельзя непрерывно останавливаться и спрашивать себя: „А так ли у Маркса?“ или „Что говорит Плеханов?“ В действительности нельзя быть последователем учителя, не идя дальше него и не расходясь с ним» (2)

Первым и главным своим «отлучателем» А. А. Богданов называет Г. В. Плеханова. Третья глава — «Поток отлучений». Попробуем назвать лишь основные доводы А. А. Богданова. Как вел, по мнению Богданова, «священную войну», «сам» Г. В. Плеханов?

«В течение нескольких лет он писал обо мне очень часто, но не „опровергал“, не „доказывал“, а просто кратко, с малыми изменениями, повторял анафему, как будто она была уже делом, не подлежащим спору, бесповоротно решенным авторитетной инстанцией» (3).

Примерами из статей Плеханова Богданов иллюстрирует приемы подобной полемики, методы «опровержения»: «Вы кричите, как гусь, спасающий Капитолий»; «Возражения, от которых на сто верст кругом несет самой томительной путаницей понятий и самой губительной скукой»; «Приятно ли копать в этой мышьяди?»; «Вы не только неудачный, но еще и немужественный критик ... Маркса и Энгельса»; «Вас еще в юности испортила Ваша философская мамка...» (4).

Богданов уверяет, что «Плеханов, несмотря ни на что, искренен в этих заявлениях, и действительно считает себя неизмеримо выше своего противника. Но тут-то и получается настоящая трагедия. **Позиции** страшно неравны» (5). Это все равно, что отстаивать истину абсолютную, застывшую, объясняет Богданов, против истины живой, вечно растущей.

Богданову представлялся совместимым критический дух учения Маркса и «монистическое понимание общественной жизни и развития» с «новейшим естественно-научным позитивизмом». Продолжая разбор «отлучательской» роли Г.В. Плеханова, А.А. Богданов специально написал еще «маленькую монографию, с рассмотрением всех сторон его многогранной отлучательской деятельности» (6).

Еще во Введении, объясняя, почему именно избран жанр памфлета, Богданов писал: «Пусть две стороны встретятся лицом к лицу и пусть рассядут их третьи, те, кому принадлежит действительное право, те, чью коллективную мысль и волю признают одинаково еретики и отлучатели»(7). Авторитарное мышление, считает автор, было определенной исторической категорией, выражением конкретных исторических отношений, в которых массе «организованных» противопоставляется более или менее широкая группа «организаторов». Сам ход истории ведет к преодолению авторитарного мышления и падению фетишей, включая мнимую абсолютную истину марксизма и веру в нее.

Мастер «организационного подхода» к любой из задач, Богданов, выделив основные моменты, структурировал «монографию», включившую следующие разделы: «Его ученость», «Его последовательность», «Его полемика», «Его политика».

Рассказывая об уровне ведения Плехановым ученой полемики, Богданов показывает его основной прием: «Первым делом обвинить противника в невежестве, — что он этого не знает, того-то не изучал, еще того-то не читал» (8). Он делает нелicenseприятный для Г. В. Плеханова вывод: «Истинный ученый не швыряется необдуманно обвинениями в невежестве, не преувеличивает и не афиширует своей учености. Он, прежде всего, исследователь; его свойства — строгость и объективность. У Плеханова сколько угодно строгости, — но не научной, а генеральской» (9).

Резюмируя разговор о «последовательности, выдержанности философских принципов» Плеханова, Богданов приходит к выводам: «Судьба заставила его, одного из первых русских марксистов, популяризовать социально-философские и общefилософские идеи Маркса и Энгельса. Выполнил он это не без ошибок; но дело было полезное и необходимое; да и судить об этих ошибках тогда было некому. Затем, по привычке вчерашних рабов, наши россияне стали обращаться к Плеханову за авторитетным разрешением всевозможных вопросов, в том числе философских» (10).

Это, по мнению Богданова, и сослужило Плеханову плохую службу. Плеханов, пользующийся славой блестящего полемиста, заслужил ее в предыдущий, «доотлучательский», период. Богданов же рассматривает деятельность Плеханова после 1905. Он обращается к плехановским переводам, намеренным упущениям и искажениям текстов. После этого, как, например, в случае с переводами Конрада Шмидта, Плеханов ведет с автором полемику, критикует его.

«Отлучение», как полагает Богданов, «явилось первоначально одним из эпизодов борьбы Плеханова против ставшего ему ненавистным «боль-

шевизма» (11). Об этом же писал и В.И. Ленин: «Плеханов в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму» (12).

В «монографии» о Плеханове-отлучателе, Богданов, подводя итоги, признает, что его герой, «пользуясь огромным авторитетом», являясь «крестным отцом и одним из первых акушеров» марксизма, «в трудное время его зарождения принес для него с Запада необходимое идейное питание», «энергично и стойко защищал его детство от окружавших со всех сторон идейных врагов» и «отдал ему лучшие годы и лучшие силы своей жизни». Но было это все в прошлом (13).

Далее А. А. Богданов переходит к портрету своего второго отлучателя — В. Ильина — В. И. Ленина. Делает он это еще более жестко. Чего стоит, например, только одна фраза из этой «монографии»: «В хорошее время Ильин был человеком большой и полезной работы: в плохое, трудное время он стал **человеком тяжелых ошибок**. Но в его характеристике не это худшая черта. Еще сильнее поражает его бешеная **ненависть к свидетелям** и способы борьбы против них» (14).

Подобные оценки не выглядят беспристрастными, а критика аргументированной и взвешенной. Это впечатление усиливается после знакомства с письмами А. М. Горького самому А. А. Богданову, близким другом и почитателем которого он был. Он писал ему в 1910г. : «Я, как Вам известно, очень уважаю и ценю Вас — мыслителя и революционера, но не стану отвечать на Ваши письма: вы пишете их слишком строго и так, точно вы — унтер-офицер, а я — рядовой вашего взвода» (15).

Говоря о богдановском «консерватизме и деспотизме», А. М. Горький отметил в письме к Г. А. Алексинскому: «Мне кажется, что он, Богданов, по натуре своей — не революционер, а систематик, человек с высоко развитым стремлением к синтезу, и, как всякий такой человек — консервативен и деспотичен. Людей же — всех! — презирает, числя себя безгранично умнее и значительнее их, отсюда его небрежное отношение ко всем. Но талантливый человек! И я глубоко уверен, что он многое сделает» (16).

Библиография:

1. «Неизвестный Богданов». Кн. 2. А.А. Богданов и группа РСДРП «Вперед». 1908 1914. М., 1995. С. 241.
2. Там же.
3. Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма. М., 1995. 87.
4. Там же. С. 91.

5. Там же. С. 93.
6. Там же. С. 131.
7. Там же.
8. Там же. С. 131.
9. Там же. С. 138.
10. Там же. С. 145.
11. Там же. С. 149.
12. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 377.
13. Богданов А. А. Десятилетие отлучения от марксизма. М. 1995. С. 154.
14. Там же. С. 162.
15. Археографический ежегодник за 1993 г. М. 1995. С. 193.
16. Там же.